

Экспроприация

I

Теперь уже не одни революционеры говорят, что Европа находится накануне Великой Революции. Буржуазия начинает понимать истинное положение дел и говорить об этом в своих газетах[13]. Times посвящает этому вопросу целые статьи. Насмехаясь над теми, кто проповедует спартанские добродетели, этот столичный орган приглашает буржуазию подумать о положении рабочих в нашем обществе и сделать им некоторые уступки, так как они имеют полное право быть недовольными. Le Journal de Geneve заявляет, что республика слишком мало занималась социальным вопросом. Другия газеты, которые нам даже противно назвать, органы крупной буржуазии, проливают горькия слезы над судьбой хозяев, которым в скором будущем придется самим работать, и констатируют, что поток народной ненависти к богачам становится все могучее и грознее.

События в столице Австрии, глухое недовольство на севере Франции, события в Ирландии и России, народное движение в Испании и тысячи других признаков, солидарность между французскими рабочими и рабочими других стран, эта неосязаемая связь, заставляющая биться в унисон сердца всех рабочих и объединяющая их в одно неразрывное целое, — грозный союз, сила которого заключается уже не в одном комитете, — вот что подтверждают наши предсказания.

Наконец, внутреннее состояние Франции, переживающей опять такую фазу, когда все партии, стремящиеся стать у власти, готовы протянуть друг другу руку, чтоб отразить удар, усиленная деятельность дипломатов, предсказывающих приближение европейской войны, столько раз предупрежденной и потому ставшей теперь неизбежной; всеобщее восстание народа в разоренной и побежденной стране; — все эти факты, происходящие в наше время, столь богатое событиями, доказывают, что день Революции приближается.

Буржуазия понимает это и готовится противопоставить народному потоку — силу и жестокость, так как она не знает и не хочет знать других средств. Она будет сопротивляться до последней возможности и пожертвует жизнью ста, двух сот тысяч рабочих, жизнью пятидесяти тысяч их жен и детей, чтоб поддержать свое господство. Она не остановится ни перед какими жестокостями и избиениями. Она это доказала в 1790 году на Марсовом поле, в 1831 в Лионе, в 1848 и 1871 в Париже. Чтоб спасти свой капитал и оставить за собой право предаваться праздности и порокам, эти люди пойдут на все.

Их тактика уже установлена. — Можем ли мы сказать тоже самое про нашу?

Для буржуазии система избиений — целая программа; она заботится только о том, чтоб были солдаты — французы, немцы или турки, — которые согласились бы привести ее в исполнение. Буржуазия стремится поддержать существующий строй, продолжить *statu quo*, хотя бы на пятнадцать лет, — и потому весь вопрос для неё сводится к простой вооруженной борьбе. Совершенно иначе обстоит дело для рабочих: они стремятся изменить существующий порядок вещей; их задача не так проста. Кровавая битва, которую нам предстоит выдержать, лишь один из этапов нашей борьбы с капиталом. Мы ничего не достигнем, если ограничимся терроризированием буржуазии и оставим положение дел неизменным. Наша цель гораздо шире, стремления глубже.

Нам предстоит положить конец эксплуатации человека, уничтожить неравенство, пороки и преступления, которые происходят от праздного существования одних наравне с экономическим, умственным и нравственным рабством других. Нам предстоит сложная задача. Но раз прошлые века завещали эту задачу нашему поколению, раз нам выпала на долю историческая необходимость работать над её разрешением, мы возьмемся за это дело. Нам не придется искать оцупью этого разрешения. Оно нам было продиктовано историей одновременно с самой задачей. Оно провозглашается уже во всех странах Европы и является завершением экономического и умственного развития нашего века. Это решение — экспроприация и анархия.

Если социальное богатство останется в руках тех, кто им владеет сейчас, если мастерские, верфи и мануфактура не перестанут быть собственностью хозяев, если железные дороги и пути сообщения останутся в руках компаний или отдельных лиц, захвативших их, если городские дома и виллы богачей останутся собственностью их теперешних владельцев вместо того, чтоб быть предоставленными бесплатно в распоряжение всех трудящихся; если все богатства, накопленные в банках и богатых домах не перейдут немедленно в коллективную собственность, — ведь все работали над их производством, — если восставший народ не захватит всех съестных припасов, собранных в больших городах, и не организует их раздачи всем нуждающимся; наконец, если земля останется собственностью банкиров и ростовщиков, которым она теперь принадлежит фактически, если крупные поместья не будут отобраны у помещиков и отданы тем, кто хочет сам обрабатывать землю, если утвердятся класс правителей, который будет управлять подданными — восстание не будет Революцией и все придется начинать сначала. Рабочий, сбросив с себя на мгновение тяжелое иго, должен будет снова подставить свою шею под то же иго, опять переносить бич хозяина, наглое высокомерие начальников, пороки и преступления праздных классов, — не говоря уже о белом терроре, о ссылке, казнях и бешеной пляске опьяненных кровью убийц над трупами рабочих.

Экспроприация — вот что должно быть лозунгом будущей революции, если она хочет исполнить свою историческую миссию. Полная экспроприация для всех тех, кто имеет хоть какую нибудь возможность эксплуатировать человека. Возвращение нации в общую собственность всего того, что может служить в руках отдельного лица орудием эксплуатации.

Жизнь в свободном труде, человек не принужденный продавать своего труда и свободы тем, кто накапливает богатства, пользуясь трудом рабов, — вот что должна дать будущая

революция.

Десять лет тому назад эта программа (по крайней мере, её экономическая часть) была принята всеми социалистами. Кто называл себя социалистом, тот признавал ее без всяких оговорок. Но с тех пор, рыцари промышленности так усердно эксплуатировали социализм в своих личных интересах, так обкарнали эту программу, что теперь одни только анархисты признают ее в её первоначальном виде.

Эту программу изувечили, набили пустыми фразами, которые каждый может комментировать в свою пользу и приспособили не ко вкусам рабочих; — если рабочие принимают социализм, то они обыкновенно принимают его целиком, — а ко вкусам буржуазии, чтоб проникнуть в её ряды. Вот почему огромная работа распространения и развития идеи экспроприации падает только на одних анархистов. Они не должны рассчитывать ни на чью помощь.

Было бы грубой ошибкой думать, что идея экспроприации проникла в сознание всех трудящихся и стала одним из тех убеждений, из за которых честный человек готов пожертвовать собой. Далеко нет! Миллионы людей никогда ничего не слышали об экспроприации, а если и слышали, то только из уст её противников. Да и среди её приверженцев, как нивелико число тех, которые ее понимают и исследовали со всех точек зрения! Мы знаем, конечно, что идея экспроприации приобретет наибольшее число сторонников во время самой революции, когда все будут интересоваться общим делом, будут читать, говорить, действовать, и когда точные и ясно высказанные идеи будут способны захватить массы. Если бы во время революции были только две партии: буржуазия и народ, то весь народ принял бы идею экспроприации, как только самая незначительная группа предложила бы ее. Но кроме буржуазии, у социальной революции есть и другие враги. — Все побочные партии, которые возникли между буржуазией и социалистами революционерами; все, кто до мозга костей пропитан робостью мысли, этим неизбежным следствием долгих веков поклонения и покорности власти; наконец, все те, которые постараются спасти во время бури часть своих привилегий и будут сами восставать против тех привилегий, которыми они готовы пожертвовать на время, — с тем, конечно, чтоб потом снова вернуть их себе; — все эти посредники, со свойственной им энергией, заставят народ выпустить из рук добычу и удовлетвориться завоеванием её тени. Тысячи людей будут сочувственно говорить народу, что лучше взять немного, чем все потерять; эти люди заставят народ терять даром время, истощать свой революционный пыл на тщетную борьбу с незначительными людьми и пустяками и помешают ему решительно взяться за разрушение существующих институтов; они захотят разыграть из себя Робеспьеров вместо того, чтобы, — как это сделали крестьянам прошлого века, захватить социальное богатство, утвердить на него свои права и немедленно употребить его на пользу всего народа.

Мы должны немедленно приняться за усердную пропаганду идеи экспроприации, чтоб отразить опасность; все наши слова и поступки должны исходить из этой основной идеи; понятие экспроприации должно проникнуть во все отдаленные уголки страны; оно должно обсуждаться в каждой деревне и стать для каждого рабочего, для каждого крестьянина составной частью понятия „Анархия“. Тогда, и только тогда, слово „экспроприация“ вырвется в день революции из всех уст, станет грозным требованием всего народа; тогда

мы будем уверены, что кровь народа прольется не даром.

Эта идея должна руководить работой анархистов всех стран. Времени мало, но это дает нам новые силы, новый прилив энергии; если мы не сумеем достигнуть намеченной нами цели, усилия и жертвы народа пропадут опять даром.

II

Прежде чем изложить наш взгляд на экспроприацию, — мы должны ответить на одно возражение, которое нам постоянно делают, возражение, не выдерживающее никакой критики, но очень распространенное в нашем обществе Политическая экономия, — это псевдо-наука буржуазии, — непрерывно поет хвалебные гимны частной собственности: — „Смотрите, говорит она, какие чудеса совершает крестьянин, как только он становится собственником возделываемой им земли; смотрите, как усердно он обрабатывает свой клочек земли, какие урожаи извлекает из самой неплодородной почвы! Смотрите какие успехи сделала промышленность с тех пор, как она отчасти перешла в частные руки! Всеми этими чудесами мы обязаны существованию частной собственности!“

Но экономисты после этих слов не приходят к естественному заключению: „Земля тому, кто ее обрабатывает!“, а спешат сказать: „Земля помещику, который будет ее обрабатывать с помощью батраков!“ Многие поддаются этим рассуждениям и повторяют их, не задумываясь над их значением. Что касается нас „утопистов“, — именно потому, что мы „утописты“, — мы стремимся вникнуть в суть дела, проанализировать эти вопросы, и вот к какому заключению мы пришли.

Мы утверждаем, что крестьянин начинает лучше обрабатывать землю, как только она становится его собственностью. Но с кем господа экономисты сравнивают мелкого земельного собственника? — С земледельцем коммунистом. С одной, например, из тех духоборческих общин, которые перебравшись на берега Амура, предоставляют в общее пользование свой скот и труд своей молодежи, пашут, впрягая в плуг по четыре, по пяти пар быков, строят сообща свои дома и через год становятся богатыми и благоденствуют, между тем как одинокий эмигрант, который стремился расчистить свой болотистый клочек земли, просит, как милостыни, у государства несколько фунтов муки? Или с одной из тех американских общин, описанных Nordhof, которые, предоставив своим членам помещение, одежду и пропитание, назначают каждому по сто долларов на покупку музыкальных инструментов, произведений искусства и предметов роскоши, которых нет в магазинах коммуны?

Нет! отыскивать и разъяснять противоречивые факты, чтоб подтвердить или отвергнуть свою гипотезу, — это хорошо для Дарвина; официальная наука предпочитает их не знать. Она довольствуется тем, что сравнивает крестьянина-собственника... с рабом, половинщиком, арендатором!

Но раб, обрабатывая землю своего хозяина, знал, что из урожая, который он соберет, ему достанется лишь немного ржи и гречихи, — ровно столько, чтоб не умереть с голода, что

сколько бы он ни надрывался над работой, весной ему придется примешивать лебеды в муку, как это делают до сих пор русские крестьяне, как это делали французские до 1789 года; он знал, что стоит только ему поправить немного свои дела, — и он станет мишенью преследований хозяина. И крестьянин работал как можно меньше, возделывал землю как можно хуже. Удивительно-ли, что его внуки, зная, что им будут принадлежать плоды их труда, усерднее обрабатывают свои земли?

Положение половинщика представляет некоторые преимущества по сравнению с положением раба. Он знает, что половину урожая ему придется отдать собственнику земли, но за то другая половина будет принадлежать ему. И, не смотря на эти условия — возмутительные с нашей точки зрения, вполне естественные и справедливые, — по мнению экономистов, — он умудряется вносить усовершенствования в обработку возделываемой им земли, конечно, настолько, насколько это возможно только благодаря его труду.

Арендатор, если условия его аренды не слишком тяжелы и договор заключен на достаточное количество лет, если он имеет возможность откладывать кое-какие сбережения или у него есть деньги для оборота, делает еще шаг вперед по пути усовершенствования обработки земли. Наконец, крестьянин собственник, если он не влез по уши в долги при покупке своего клочка земли, если он может делать хоть какая-нибудь сбережения, обрабатывает землю лучше, чем раб, половинщик, или арендатор. Он знает, что, за исключением налогов и львиной доли кредитора, весь урожай, добытый им тяжелым трудом, будет принадлежать ему.

Но какой можно сделать вывод из этих фактов? — Да никакого, разве тот, что никто не любит работать на других, и что никогда земля не будет хорошо обрабатываться, если земледелец будет знать, что лучшая часть его урожая пойдет на прокормление какого-нибудь бездельника — сеньора, буржуа, кредитора, — или на уплату государственных налогов. Надо быть человеком слишком предубежденным, чтоб найти в этих фактах хоть какой-нибудь повод для сравнения частной собственности с коллективным владением; — для этого в них нет никаких данных.

Но мы сделаем все же некоторые выводы из этих фактов.

Работа половинщика, арендатора и, главным образом, мелкого собственника, интенсивнее, чем работа раба или крепостного. Но все же, земледелие не процветает при обработке земли половинщиком, арендатором и даже мелким собственником. Полвека тому назад думали, что в мелкой земельной собственности лежит разрешение аграрного вопроса; в ту эпоху крестьянин-собственник пользовался действительно некоторым довольством, которое резко выделялось на фоне ужасной нищеты прошлого столетия. Но золотой век мелкой земельной собственности скоро прошел. Теперь крестьянин, владеющий маленьким клочком земли, едва сводит концы с концами. Он влезает в долги и становится добычей ростовщика и торговца скотом и землей. Векселя и ипотека разоряют деревню больше даже, чем тяжелые налоги, взимаемые государством и общиной. Мелкая собственность бьется в изнеможении, и если крестьянин и носить еще имя собственника, то, в сущности говоря, он является рабом банкиров и ростовщиков. Он думает разделаться когда-нибудь с долгами, но они все растут. Несколько сот человек благоденствуют, а миллионы людей гибнут в руках

ростовщиков и освободятся от этого ига лишь в день революции.

Но откуда этот установившийся факт, доказанный статистическими данными, — который опровергает все теории о благе частной собственности?

В чем его объяснение? — Оно не в конкуренции Америки, — факт этот предшествовал ей; оно даже не исключительно в налогах: сократите их, — процесс будет замедлен, но не приостановлен. Объяснение этого факта в том, что земледелие в Европе после пятнадцативекового застоя, за последние пятьдесят лет заметно усовершенствовалось; оно отчасти в непрерывно возрастающих потребностях самого земледельца, в легкости займа и рассрочке платежа, которые ему предоставляют банки, мастерские, маклера и ростовщики, чтоб его завлечь в свои сети; оно, наконец, в высоких ценах на землю, захваченную богачами, частью для своих поместий, частью для нужд промышленности и торговли.

Разберем первый из этих факторов, самый значительный с нашей точки зрения. Чтоб крестьянин мог пользоваться успехами земледелия и соперничать с теми, кто обрабатывает землю при помощи машин и увеличивает свои урожаи химическим удобрением, он должен иметь капитал, который позволил бы ему внести некоторые усовершенствования в обработку возделываемой им земли. Без основного капитала заниматься земледелием положительно невозможно. Хозяйство расстраивается, лошадь стареет, корова перестает давать молоко, плуг притупляется: надо их заменить, починить. Но, кроме того, необходимо добыть некоторые усовершенствованные орудия, удобрить свою землю. Для этого нужно несколько тысяч рублей, а их никогда не достать крестьянину.

Что же он делает тогда? Не смотря на то, что он придерживается „системы единственного наследника“, которая обезлюдилла Францию, ему не удастся свести концы с концами. Тогда он посылает своего сына в город, — увеличивать городской пролетариат, — закладывает свою землю, влезает в долг и становится рабом, — рабом банкира, как он прежде был рабом сеньора.

Вот какова сейчас участь мелкой собственности. Те, которые поют ей хвалебные гимны, опоздали на пол века: они обсуждают факты, происходившие пятьдесят лет тому назад; они не знают современной действительности.

Слова: „Земледелие невозможно без основного капитала“, — содержат в себе целую систему, над которой не мешало бы призадуматься „национализаторам земли“.

Пусть завтра приверженцы Генри Джорджа отберут у английских лордов их поместья, раздадут эти земли тем, кто их будет сам обрабатывать, уменьшат арендную плату или даже вовсе уничтожат ее; — наступит сравнительное благосостояние на двадцать, тридцать лет; а потом придется начинать все снова.

Земля требует постоянного ухода. Можно неимоверно увеличить урожаи, если очистить землю от камней, осушить ее, распахать, удобрить, исправить дороги. Надо много работать, чтоб удовлетворить непрерывно возрастающим потребностям все увеличивающегося населения.

Это требует значительных расходов и огромного труда, который не может быть произведен одной семьей, — вот почему земледелие не идет вперед. Для получения усиленных урожаев приходится тратить, иногда на осушение одного гектара земли, от четырех до пяти тысяч рабочих дней (двадцать тысяч франков). Это вполне доступно капиталисту, но совершенно не под силу мелкому собственнику при тех жалких сбережениях, которые ему удастся сделать, лишая себя самого необходимого. Земля просит человека принести ей свой живительный труд и обещает осыпать его дождем золотистых колосьев — а человек не идет. Он сидит в промышленных казармах и выработывает чудные ткани для индийских раджей, африканских рабовладельцев, для жен банкиров; он всю жизнь тклет одежды для египтян, для туркестанских татар, и рад, когда приходится ходить со сложенными руками вокруг молчаливых фабрик, — а земля, которая может дать пропитание и даже довольство миллионам людей, остается невозделанной. Мясо до сих пор во Франции — предмет роскоши для двадцати миллионов населения.

Земля, кроме тех, кто ее обрабатывает изо дня в день, в известные периоды требует работы миллионов рук, чтоб удобрить поля, расчистить их от камней, создать при помощи естественных сил природы плодородную почву и убрать во время в амбары обильные жатвы. Она просит город прислать ей рабочие руки, машины, моторы, а моторы, машины и руки остаются в городе, одни предаваясь праздности, другие — работая для удовлетворения тщеславия богачей.

Частная собственность далеко не является источником богатства для страны; наоборот, она служит тормазом для развития земледелия. В то время, как ученые открывают новые пути к усовершенствованию земледелия, обработка земли находится в застое почти во всей Европе, — благодаря частной собственности.

Следует ли из этого, что Социальная Революция должна уничтожить все границы мелкой собственности, разрушить сады и огороды и перепахать всю землю усовершенствованными орудиями, чтоб дать всем людям проблематичные блага крупного хозяйства, как об этом мечтают реформаторы, приверженцы власти?

Мы, конечно, против того. Мы не тронем земли крестьянина, который возделывает ее сам, с помощью своих детей, не прибегая к наемному труду. Но мы экспроприруем все земли, которые не обрабатываются руками тех, кому они сейчас принадлежат. Когда Социальная Революция будет совершившимся фактом, когда городские рабочие будут работать не на хозяина, а для удовлетворения нужд всего человечества, толпы рабочих, веселые и довольные, устремятся в деревню обрабатывать экспроприированные поля, и в несколько дней места, поросшие вереском, превратятся в плодоносные долины, приносящая богатства всей стране, доставляющая всем — „бери, останется еще” — обильные и разнообразные урожаи, которые земля, свет и теплота будут давать, давать — без конца. Неужели вы думаете, что мелкий собственник не поймет тогда преимущества общинного хозяйства, что он не захочет стать членом нашей обширной семьи?

Теперь, во время сбора урожаев, город посылает в деревню тысячи рабочих рук, лондонские оборванцы, hop-pickers, толпами идут помогать кентским земледельцам; такая помощь должна оказываться деревне не столько во время сбора урожаев, сколько во время

обработки земли. Земледелие, как промышленность преимущественно периодическая, требует временами прилива рабочих сил и потому, когда обработка земли станет общинной, она будет связующим звеном между деревней и городом: она сольет их в один общий сад, возделываемый одной общей семьей.

Будущее принадлежит не частной собственности, не крестьянину, прикованному к своему жалкому клочку земли, который едва может его прокормить: оно в общинной обработке земли. Только тогда мы будем извлекать из земли все, что она может нам дать.

Обратимся к промышленности, может быть тогда мы увидим, в чем благо частной собственности?

Не будем распространяться над бедствиями, которые частная собственность и капитал приносят промышленности. Социалисты прекрасно изучили это. Нищета рабочего, необеспеченность завтрашнего дня, голод, кризисы, безработица, эксплуатация женщин и детей, вырождение человечества, злобная роскошь праздных классов и сведение рабочего на положение вьючного скота, лишенного возможности приобщиться к знанию, искусству и науке, — все это слишком хорошо известно, и мы не будем здесь говорить об этом. Войны внешняя, за экспорт и преобладание на рынках, войны внутренняя, колоссальные армии, ужасающие бюджеты, истребления целых поколений, разврат праздных классов, ложное направление науки, искусства, этических принципов, правительства, ставшие необходимыми для борьбы с народными восстаниями, — закон с его преступлениями, палачами и судьями; угнетение, покорность, рабство, порождающие разврат, — вот плоды частной собственности и её неизбежного следствия, власти, сосредоточенной в руках нескольких избранных.

Но может быть, несмотря на эти пороки, на эти бедствия, частная собственность оказывает нам какие-либо услуги, которые уравнивают все зло, приносимое ею? Может быть, правы наши правители, когда они говорят, что при человеческой глупости, нет другого средства поддержать общество? Может быть, ей мы обязаны промышленным и научным прогрессом нашего века? „Ученые“ утверждают это. Но посмотрим, на чем основаны их утверждения, каковы их аргументы?

Их аргументы? — Вот единственный, высказанный ими: „Смотрите, говорят они, какие успехи сделала промышленность за последние сто лет, с тех пор, как она освободилась от оков правительства и корпорации! Смотрите на эти железные дороги, телеграфы, машины, заменяющая каждая работу ста, двухсот человек, вырабатывающая все, от махового колеса весом в несколько сот тонн, до тончайших кружев! Всем этим мы обязаны частной собственности и жажде наживы отдельных лиц“.

Конечно, успехи промышленности за последние сто лет громадны, и потому теперь явилась необходимость в соответствующем изменении распределения продуктов. Но произошли ли эти успехи благодаря интересу к делу и энергии богачей? Не было ли других, более важных факторов, которые могли не только привести к тем же результатам, но и уничтожить злобное влияние алчности промышленников?

Факторы эти нам известны: во-первых, паровой мотор, — удобный, подвижный, всегда готовый работать, революционировавший промышленность, затем, создание химической промышленности, уровень которой, по словам технологов, служит мерилем промышленного развития нации. Этот род промышленности — продукт нашего столетия; вспомните, чем была химия в прошлом веке! Наконец, поток новых идей, который возник в конце XVIII века, освободил человека от метафизических оков, дал ему возможность сделать все физические и механические открытия, столь сильно изменившая промышленность. Кто посмеет сказать после всего этого, что уничтожение мастерства и сословия цеховых присяжных оказали большее влияние на промышленность, чем великия открытия нашего столетия? Кто станет утверждать, что какой бы то ни был вид коллективного производства, при наличности этих открытий, не привел бы к более блестящим результатам, чем частная собственность.

Биографии великих людей доказывают нам, что их открытия не вызывались жаждой наживы. Большая часть ученых умирала в бедности. Мы знаем прекрасно, что капитал и частная собственность всегда служили тормозом для практического применения новых открытий.

Утверждать, что частная собственность имеет в этом отношении преимущества перед коллективным владением можно было бы только в том случае, если было бы доказано, что коллективное владение препятствует успехам промышленности. Но доказать этого нельзя, хоть бы потому, что никто не видел ни одной коммунистической группы, которая обладала бы достаточным капиталом для ведения крупной промышленности и препятствовала бы применению новых открытий. Наоборот, как бы несовершенны ни были эти ассоциации, кооперации и т. п., их нельзя упрекнуть в том, что они были глухи к прогрессу промышленности.

Мы можем указать на многие недостатки различных учреждений, носящих коллективный характер. Но — удивительное дело — главный упрек, который мы можем им сделать, заключается в том, что они не были достаточно коллективными. Крупным акционерным компаниям, прокладывающим путь через горные хребты, мы ставим в вину, что они создали новый вид анонимного патроната и усеяли человеческими костями каждый метр своих каналов и тоннелей; рабочия корпорации мы упрекаем в том, что они создали привилегированную аристократию, которая эксплуатирует своих братьев. Но ни те, ни другия не могут быть обвинены в инертности и враждебном отношении к успехам промышленности. Единственный вывод, который мы можем сделать из деятельности существовавших до сих пор коллективных предприятий, состоит в том, что, чем меньше эгоизм и личный интерес противопоставляются интересу коллективному, тем лучше для дела.

Этот беглый анализ доказывает нам, как поверхностны все доводы в пользу частной собственности. Но оставим этот вопрос в стороне. Постараемся лучше определить, каким путем произойдет переход социального богатства в руки народа, ясно высказать современные стремления человечества и показать, какие формы примет экспроприация во время будущей революции.

Вопрос об экспроприации является сейчас одним из самых важных, и потому мы приглашаем наших товарищей заняться его изучением и обсудить его со всех точек зрения. От того, как, будет проведена экспроприация, зависит успех или временная неудача революции.

В самом деле, каждый из нас знает, что всякая попытка революции будет заранее осуждена, если она не удовлетворяет интересам большинства. Человек не может жить одними идеалами, возвышенными мыслями, красивыми фразами; ему прежде всего нужен хлеб. Если на другой день революции, народные массы будут иметь к своим услугам одни пустые слова, если они не будут уверены, что положение изменится в их пользу, если борьба приведет только к перемене лиц и формул — ничего из всего этого не выйдет. Только одним разочарованием будет больше! И нам снова придется приняться за неблагодарную Сизифову работу.

Революция будет не пустым звуком, реакция не сможет вернуть нас на другой же день к прошлому, только в том случае, если народ захочет стать на защиту завоеванных прав, если он будет уверен, что все голодные и угнетенные станут сытыми и свободными. Вспомните наивных республиканцев 1848 года, которые верили временному правительству и дали ему три месяца на издание обещанных законов, — три месяца народной нищеты. Народ согласился ждать и голодать, а когда время прошло, правительство вместо всего обещанного ответило ему массовыми высылками и ружейными залпами. Несчастные, они думали, что за три тяжелых месяца ожидания правительство успеет издать спасительные законы, которые превратят угнетенных в свободных людей и обеспечат им работу и хлеб. Чем просить правительство, — не вернее ли было бы взять? Чем выставлять на показ свою нищету, не лучше ли было бы положить ей конец? Самоотверженность — благородное чувство, но бросить на произвол судьбы всех несчастных, идущих за нами, не самоотверженность, а измена. Пусть борцы погибают, но смерть их должна быть плодотворна! Пусть смелые люди жертвуют собой, но их жертвы должны приносить пользу народу!

Только полная экспроприация может удовлетворить всех страждущих и угнетенных. Она должна перейти из теории в практику. Но чтоб уничтожить частную собственность и вернуть все общественное достояние народу, экспроприация должна быть произведена в широких размерах, — иначе ее примут за грабеж, а не за начало социальной реорганизации. Мы бы выказали полное незнание исторических законов, если бы вообразили, что целая страна может сразу стать полем деятельности для наших опытов. Франция, Европа, весь мир — не могут в одно мгновение стать анархистами, по мановению волшебного жезла; но безумие правителей, их высокомерие, войны, банкротство, с одной стороны, и непрерывная пропаганда с другой, нарушат равновесие и вызовут взрывы. Наступит революция, и нам надо будет действовать. Сколько раз уже революционеры были застигнуты врасплох; события протекали, а они не могли употребить их себе на пользу.

Когда наступят дни восстания, — а от нас зависит их приближение, когда целые области, когда большие города с их пригородами освободятся от правителей, мы, следуя

начертанной нами программе, приступим к делу: орудия производства перейдут целиком в собственность коммуны, общественное достояние, захваченное частными лицами, будет возвращено своему законному владельцу народу, — тогда каждый будет получать свою долю, мануфактура и производство будут свободно вырабатывать все необходимое, и общественная жизнь потечет с новой энергией по новому руслу. Мы должны захватить сады и поля, дающие нам съестные припасы; амбары и магазины, в которых хранятся все продукты труда; мастерские и заводы, доставляющие нам материи, металлы, предметы первой необходимости и предметы роскоши; средства защиты, железные дороги и другие пути сообщения, позволяющие нам обмениваться продуктами с соседними свободными коммунами; мы должны организовать себя для самозащиты, — иначе мы обречены на верную гибель, подобно рыбе, которая без воды задохнется в море воздуха, окружающем ее.

Вспомним грандиозную стачку железнодорожных машинистов, вспыхнувшую несколько лет тому назад в Америке. Почти все общество признавало справедливость их требований; всем надоела наглость железнодорожных компаний, и публика торжествовала, что служащие разделяются с ними как следует. Но когда пути сообщения и локомотивы перешли в руки рабочих, когда железнодорожное сообщение было прервано, цены на съестные припасы и другие товары удвоились, общественное мнение моментально перевернуло фронт. „Мы предпочитаем гнет железнодорожных компаний, обворовывающих нас, самоуправству этих мерзавцев-стачечников, благодаря которым мы, пожалуй, скоро умрем с голода“! Мы должны помнить это! Инстинкты справедливости толпы, должны быть удовлетворены так же, как и все её требования и нужды.

Недостаточно признавать этот принцип в теории, надо проводить его в жизни.

Нам часто говорят: „Попробуйте коснуться клочка земли крестьянина, домишка рабочего, и вы увидите, что они вас встретят с поднятыми кулаками и с вилами в руках!“ Прекрасно! Но ведь мы уже говорили, что мы не коснемся ни клочка земли крестьянина, ни домишка рабочего; мы не тронем наших лучших друзей, которые, сами того не сознавая, скоро станут нашими союзниками. Экспроприация будет, конечно, произведена в их пользу. Мы знаем, что существует средний уровень дохода, ниже которого умирают с голода, выше которого пользуются некоторым излишком. В каждом городе, в каждой стране, этот средний уровень различен; народный инстинкт не ошибается; без статистических таблиц, без толстых томов с точными данными, народ сумеет захватить все принадлежащее ему. В нашем обществе незначительное меньшинство завладело лучшей частью народного достояния, построило себе дворцы, внесло в банки на свое имя деньги, билеты, всевозможные ценные бумаги, эти плоды труда всего общества. Все это мы должны забрать в свои руки, и тогда мы сразу освободим несчастного крестьянина, умирающего с голода на своем заложенном клочке земли, мелкого торговца, живущего в вечном страхе при мысли о всевозможных стеснениях и неизбежном разорении, и весь голодный, угнетенный народ. В день экспроприации народ должен понять, что от него самого зависит, остаться-ли свободным или снова впасть в нищету и вечную тревогу. Неужели он с прежней наивностью опять выберет временное правительство из краснобаев и ловкачей? Не будет-ли он тогда раскаиваться, что заменил старых правителей новыми? Пусть народ сам возьмется за свои дела, если он хочет добиться чего-нибудь; пусть он их поручит своим делегатам, если ему нравится быть обманутым!

